

РЕЦЕПЦИЯ «ПОВЕСТИ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ АРТУРА ГОРДОНА ПИМА» Э.А. ПО В ЛИТЕРАТУРЕ США ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Киреева Н.В.

ФГБОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический университет», Благовещенск, Россия (675000, Амурская область, г. Благовещенск, улица Ленина, 104), rektorat@bgpu.ru, info@bgpu.ru

Статья посвящена проблеме рецепции «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» (1838) Э.А. По. Рассматривается использование сюжетной модели, образов, символов этого произведения в последующей литературе. Особенное внимание уделено романам американских писателей Дж. Барта «Отпуск на семестр» (1982), Дж. Гарднера «Королевский гамбит» (1974), Р. Стоуна «Перейти грань» (1992). Анализ этих романов с точки зрения рецепции «Пима» позволяет сделать вывод, что обращение современных авторов к тексту По позволяет вписать их произведения в литературную традицию и выявить новые грани смысла классического текста.

Ключевые слова: литература США, рецепция, Э. А. По, Дж. Барт, Р. Стоун, Дж. Гарднер, «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», «Отпуск на семестр», «Королевский гамбит», «Перейти грань».

RECEPTION OF THE E.A. POE'S THE NARRATIVE OF ARTHUR GORDON PYM OF NANTUCKET IN THE USA LITERATURE OF LAST THIRD OF XX-TH CENTURY

Kireeva N.V.

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia (675000, the Amur region, Blagoveshchensk, Lenin's street, 104), rektorat@bgpu.ru, info@bgpu.ru

The article is devoted to the problem of reception of the E.A. Poe's The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket (1838). Discusses the use of narrative models, images, symbols that work in the subsequent literature. Special attention is paid novels by American writers J. Barth Sabbatical: A Romance (1982), J. Gardner The King's Gambit (1974), R. Stone Outerbridge Reach (1992). The analysis of these novels from the point of view of reception The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket leads to the conclusion that the appeal of modern authors to text allows you to enter their works in the literary tradition and to reveal new facets of meaning of the classical text.

Keywords: the USA literature, reception, E.A. Poe, J. Barth, R. Stone, J. Gardner, The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket, Sabbatical: A Romance, The King's Indian, Outerbridge Reach.

Проблема рецепции наследия предшествующей литературы является одной из основополагающих в художественной культуре любой эпохи. Обращение писателей, в особенности американских, к творчеству Э.А. По подтверждает, что классическое наследие составляет один из важнейших факторов духовной жизни современности.

«Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» (*The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket*, 1838) – самое объемное произведение из всего художественного наследия Э. По, представленного стихами и новеллами. В художественной культуре не только XIX, но и XX веков присутствие этого текста неоспоримо. Не случайно американский литературовед Ф.О. Маттисен отмечал: «Значение По может быть в полной мере оценено лишь в том случае, если не упускать из виду, как много традиций берет начало в его творчестве» [4, с. 55].

В этом повествовании о несчастьях, которые пришлось претерпеть в южных морях кораблю, отправившемуся из Нантакета, проявилась и вечная тяга По к воображаемым

путешествиям, и умение сопроводить свою повесть многочисленными реалистическими подробностями. Во время своих приключений юный Артур и его друг Август пережили бунт на корабле, испытывали галлюцинации от жажды, видели чаек, слетевших полакомиться человеческим мясом – все это может, конечно, показаться лишь безудержным пролетом фантазии. Но то воздействие, какое оказывает на воображение читателя этот неотступный ужас белой пустыни, окружающей путешественников по мере того, как они все дальше и дальше уходят в неразведанные антарктические широты, заставляет вспомнить об альбатросе из поэмы английского романтика Кольриджа «Песнь о старом моряке» и готовит почву для другого величайшего произведения американского романтизма – романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит».

И хотя у соотечественников По повесть особого успеха не имела, уже несколько лет спустя образ человеческой судьбы, олицетворенной в неустойчивом суденышке, бессильном перед гигантскими волнами жизни, стал знаменем эпохи. Эта идея была творчески использована сначала в романе Г. Мелвилла, а затем в шедевре А. Рембо «Пьяный корабль».

Повесть так овладела воображением читателей, что породила ряд «продолжений», принадлежащих перу писателей XIX в. Причина – не только в увлекательности повествования, главное – в теме произведения, воспевающей мужество, рассудок и волю к победе, помогающих человеку выстоять в неслыханных страданиях.

Традиционная трактовка повести определилась еще в XIX в., в частности стараниями французского переводчика повести Ш. Бодлера, а также Ж. Верна, написавшего продолжение – «Ледяной сфинкс» (*Le Sphinx des glaces*, 1897). С точки зрения исследователей, «продолжение Верна наиболее близко по своему стилю и строению к “Пиму” По»: оба писателя «активно используют научные коды с целью создания эффекта документальности и достоверности», Жюль Верн использует «модель путешествия к Южному полюсу», чтобы его герои могли спасти членов экипажа шхуны, подобравшей Пима [6, с. 225]. Вместе с тем, Верн устраняет из «Ледяного сфинкса» всю фантастическую образность «Пима» и привносит «морально-этическую идеологию», которой в общем и целом чужд исходный текст По» [6, с. 226, 227]. Тем самым, в трактовке Жюль Верна «Артур Гордон Пим» предстает как великолепная морская проза с прозрачным символическим контекстом: одиссея рассказчика – это опыт инициации, сопровождаемой постижением травмирующих истин, которые касаются человеческой природы (жажда насилия, способность к предательству и т.п.).

И, вместе с тем, уже в XIX в. появляются откровенно пародийные варианты продолжения истории Пима, как, например, в романе Ч.Р. Дейка «Странное открытие» (*A Strange Discovery*, 1899. Здесь автор описывает фантастическую страну Хили-ли, куда

попадают Пим и Петерс, а загадочная белая фигура, с которой читатель По встречается в финале повествования, оказывается у Дейка «всего лишь огромной статуей из белоснежного мрамора, стоящей при входе в залив Хили-ли» [2, с.619].

В XX в. отмечается еще более глубокое усвоение уроков «Повести о приключениях Артура Гордона Пима». Интерес к этому тексту По вновь перемещается на американский континент — все больше писателей США обращаются к рецепции «Пима». В американской литературе 1-й половины XX в. в этом отношении особенно интересен роман Г.Ф. Лавкрафта «Хребты безумия» (*At the Mountains of Madness*, 1931), который отличается более сложной структурой, чем продолжения Жюль Верна и Чарльза Ромина Дейка. Герой произведения описывает научную экспедицию на Южный полюс, в ходе которой ее участники обнаруживают странных существ, а затем погибают при чудовищных обстоятельствах. Финал и По, и Лавкрафта роднит крик «Текели-ли», выкрикиваемый мертвенно-белыми птицами (По) и ужасным чудовищем (Лавкрафт). О прямом художественном воздействии По на роман Лавкрафта свидетельствует, по мнению А. Ураковой, «неразрешимость финала, равно как и оставшийся в тексте пробел (рассказчик так и не сообщает нам, что увидел пилот)» [6, с. 229].

Однако, несмотря на открытый финал, порождающий многочисленные продолжения, текст По с трудом поддается дописыванию. Не случайно, У. Эко подчеркивал: «Из этого леса мы не выберемся никогда - как не выбрались, например, Жюль Верн, Чарльз Ромин Дейк и Говард Филипс Лавкрафт, которые решили остаться там и попытаться закончить историю Пима» [8, с. 45]. Возможно, именно поэтому современные американские писатели не столько продолжают «Пима», сколько вступают с ним в изобретательный диалог, предлагая примеры рецепции на уровне сюжета, символики, образной системы.

Так, писатель-постмодернист Дж. Барт в своем романе «Отпуск на семестр» (*Sabbatical: A Romance*, 1982) под влиянием повести По создает классическую версию истории героя, пускающегося в странствия для того, чтобы познать самого себя. Действие романа разворачивается в 1980 году в Чесапикском заливе. Путешествующие на крейсерской яхте супруги – отставной чиновник ЦРУ и молодая исследовательница – хотят стать родителями и задаются вопросом: можно ли рожать детей в мире, лишенном центра и координат, напоминающем, по сути, пороховую бочку. Для точкой отсчета здесь становится «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» - в первую очередь потому, это произведение По, доказывающее амбивалентность, поливариантность, текучесть, относительность истины, словно бы закладывает основу постмодернистского мироощущения.

Амбивалентность и поливариантность мира становится предметом игры в романе Дж. Гарднера «Королевский гамбит» (*The King's Indian*, 1974), который тоже может быть

прочитан как вариация на темы «Артура Гордона Пима». «Королевский гамбит» демонстрирует ряд аналогий – сюжетных, образных, идейных с текстом По. Так, и у По, и у Гарднера герой случайно оказывается в море на неуправляемой яхте, затем следует чудесное спасение и герой попадает на чужой корабль. Цель плавания этого судна у обоих писателей – некие загадочные острова. Описание плавания кораблей совпадает порой до самых мельчайших деталей. На кораблях «Дельфин» у По и «Иерусалим» у Гарднера в результате мятежа власть переходит к бандитам, причем сцены мятежа совпадают почти дословно. В финале и «Пима», и «Гамбита» из моря поднимается громадная фигура. А вернувшиеся из плавания Дик Петерс («Пим») и Джонатан Апчерч («Гамбит») отправляются жить в Иллинойс.

Совпадают не только детали сюжета, но и фигуры начала и конца произведений. Как отмечает Н.А. Шогенцукова, в «Королевском гамбите» «не только начало, но и финал сходен с “Пимом”. Он – открытый, инфинитный» [7, с.178]. Действительно, и «Пим», и «Гамбит» начинаются с середины фразы. В финале По текст обрывается в момент появления из моря огромной фигуры, но плавание продолжается – «как бы за гранью последней страницы» [7, с.178]. Роман Гарднера также завершается с появлением фигуры из моря и продолжением плавания корабля: «И По, и Гарднер не приводят свои корабли в четко обозначенный пункт назначения, они не ставят точки над “и”, не дают однозначных ответов. Все начинается с середины и серединой заканчивается. Нет начала и конца, есть дление, есть вечность и бесконечность» [7, с.178].

С повестью По связаны имена некоторых героев Гарднера, совпадает структура этих произведений, их объединяет и сходство в использовании ряда символов: Южного полюса, цветовой символики и пр. Даже имя главного героя произведения По начертано на корабле в романе Гарднера: «На переборке “Иерусалима” виднелся грубо, но витиевато вырезанный памятник некоему смертному, давно уже расставшемуся с жизнью, слившемуся как написано в Тибетской книге, с вселенной и навечно уволенному от Порядка (этого неприятного понятия): вензель *А.Г.П.*» [1, с.87].

Но отталкиваясь от сюжетных ходов и художественных решений автора «Повести о приключениях Артура Гордона Пима», Гарднер вступает в иронический диалог с По и традицией американского романтизма в целом. Если романтический герой стремится вырваться от унылой упорядоченности, отправляется в путешествие и зачастую погибает, доказывая недостижимость идеала в реальной жизни, то герой «Королевского гамбита» находит гармоничное единство иллюзии и действительности. По справедливому наблюдению Н.А. Шогенцуковой, «странствия, страдания, катастрофы, взлеты и падения, пережитые Джонатаном в безбрежном океане познания приводят его к простоте <...>

гармонии, высшего, к которым в земных условиях можно прийти через излом и перекареженность духовного становления, обретения и совершенствования собственной личности, слияние в единство своих многочисленных “я”» [7, с.170].

В результате писатель не столько пародирует эту традицию, сколько наполняет ее новым смыслом. Если у По «Текели-ли!» кричат «мертвенно-белые птицы» и их крик «неизбежен, как рок», то у Гарднера «Текели-ли!» - крик, наполняющий мир радостью. Герой романа Джонатан разговаривает не с «мертвенно-белыми», а со «сверкающе-белыми» птицами, и они не исчезают, как у По, а сопровождают ликующего героя.

В целом, Гарднер использует интертекстуальные связи с текстом По для выработки своеобразного кода, несущего определенный комплекс идей, демонстрирующего продолжение и развитие традиций американского романтика.

В подобные отношения с «Повестью о приключениях Артура Гордона Пима» вступает и Р. Стоун в романе «Перейти грань» (*Outerbridge Reach*, 1992), герой которого отправляется в одиночное кругосветное плавание в надежде обрести распадающийся смысл бытия, убедиться в душевной состоятельности. Но приходит к совершенно иным итогам, чем герой «Королевского гамбита».

Стоуну удастся осуществить синтез исторической конкретики и «вечных» вопросов человеческого бытия. В немалой степени этому способствуют аллюзии на «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима». Переключки с По в романе Стоуна настолько зримо явлены, что не заметить их просто нельзя. Во-первых, в основу обоих произведений положены документальные повествования: отчеты о плаваниях научных экспедиций, предпринятых в 1830-е гг. у По и документальная книга о морской регате 1960-х гг. у Стоуна. Во-вторых, в интересующих нас текстах совпадает ряд символических деталей: акула, пингвин, черный песок, стаи птиц и т.д. И, наконец, сюжетная модель обоих произведений – это история о плавании корабля, которая позволяет выделить ряд соответствий между «Пимом» и романом Стоуна. Это и описание бури и островов, на которые попадают герои, и мотив поиска никому не известных земель. Лейтмотивными образами романа становятся образы океана и плавания, которые, как и в произведении По, «становятся символами, связанными с этической характеристикой человека, с познанием его внутреннего мира» [3, с.164].

Герой романа «Перейти грань», агент по продаже яхт Оуэн Браун, выходя в открытый океан, стремится постичь глубины собственной сущности и обрести ту душевную твердость, которой ему так не достает. Испытания, выпадающие на его долю, помогают убедиться, что Браун «оказался не таким уже плохим моряком в конце концов. Он не поддался ни страху, ни шторму» [5, с. 404].

Стоун, обращаясь вслед за По, к использованию сюжетной модели плавания корабля, вносит в нее дополнительные нюансы. Это особенно ярко проявляется в одном из ключевых эпизодов романа «Перейти грань», посвященном описанию шторма, когда «каждое скатывание с гребня волны было как падение с головокружительной высоты и так же грозило закончиться в бездне» [5, с.317]. Яхта в буквальном смысле начинает разваливаться на куски, Брауну грозит гибель в бушующей стихии, а возможность спасения кажется ему чудом.

Именно в этот момент к герою приходит осознание того, насколько далеки от реальности его представления о корабле, на котором он вышел в плавание. Для Оуэна Брауна его яхта была «произведением искусства торговли, поставившей идеальные лодки для идеального океана в идеальном мире. Именно то, что надо, для подхода к идеальному острову» [5, с. 318-319]. Во время шторма герою под руку попала рекламная брошюра, текст к которой написал он сам: «Изделие искусных мастеров! Зарекомендовавшая себя лидером среди яхт новейшей конструкции! Все качества гоночного судна, созданного по высокой технологии. Доступна и целесообразна» [5, с. 318]. Так реальность вступает в жестокий контраст с ложным образом, к созданию которого Браун был напрямую причастен.

Яхта в романе Стоуна предстает как многозначный символ современной цивилизации, от которой герой так стремится уйти. Она становится для Брауна напоминанием об обществе, основой процветания которого является обман, а ее несовершенство не позволяет герою сделать свое путешествие удачным и обрести в результате тот мир, к которому он так стремится. Символический образ корабля, тем самым, позволяет Стоуну заострить противоречие между вовлеченностью Брауна в общественную ложь и его идеалистическими представлениями о жизни. Именно это противоречие и приводит в конце концов героя к смерти.

В целом, можно говорить о новом наполнении Стоуном традиции, начало которой было положено Э.А. По. Если корабль из «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» становится выражением «бессилия человека перед гигантскими волнами жизни» [Матиссен, с. 55], то у Стоуна яхта Брауна предстаёт символом враждебной человеку цивилизации. Подобное понимание этого древнего символического образа соотносится представлением о нем современника Стоуна Дж. Гарднера: «Вся наша славная цивилизация походит на эту дырявую посудину <...>. С грузом искусственного веселья, пятикопеечного забвения <...> и под водительством блюющего, полоумного капитана» [1, с. 106].

Таким образом, писатели последней трети XX века, обращаясь к По, переосмысливают каноны романтической модели провиденциального путешествия американской нации. Авторы названных романов показывают, что принимая на веру константы романтического

мироощущения и полагаясь на них в самых критических ситуациях, герои могут потерпеть крушение (как происходит, например, с героем романа «Перейти грань» Оуэном Брауном). Идеал романтического героя-аутсайдера, достигающего своей цели в уходе от мира, становится гибельным для человека XX столетия, когда отчуждение и одиночество предстают как главные проблемы личности — не в последней степени эту мысль позволяет заострить предпринимаемый авторами диалог с текстом По.

Совершенно очевидно, что произведения Гарднера, Барта и Стоуна, при всей разнице художественных и мировоззренческих доминант, связаны с «Артуром Гордоном Пимом» и семантически, и эстетически. Совпадают символика плавания как пути человека, его судьбы; корабля — как микромоделю общества и государства; океана — как стихии универсума. Не случайно, центральным лейтмотивом всех интересующих нас произведений становится мотив плавания и связанный с ним мотив корабля.

Как известно, плавание корабля — традиционная символическая модель, используемая в мировой литературе для воплощения сложных онтологических проблем. Соотношение микро- и макроструктур, взаимоотношения низшего и высшего, включенность человека в социум и универсум, путь духовного прозрения — таковы устойчивые значения данной модели. По мнению Н.А. Шогенцуковой, «подобная устойчивость свидетельствует о ее семантической емкости, универсальной значимости, архетипическом начале» [7, с. 40]. Благодаря использованию этого мотива Гарднеру, Барту и Стоуну вслед за По удастся через конкретную, приключенческую историю осмыслить и показать картину мироздания, высветить отношения Судьбы и Человека.

Важно и то, что писателей США последней трети XX в. в «Пиме» привлекает не столько возможность придумать продолжение, сколько опереться на авторитет По в эксперименте с формой и языком, а также возможность обыгрывания важной для «Пима» идеи о недостижимости сколько-нибудь единообразной истины и проблематизации самого понятия «реальность» [6, с.102].

Анализ произведений Дж. Барта, Дж. Гарднера и Р. Стоуна с точки зрения рецепции «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» не только обогащает наши представления о проблематике и поэтике американской литературы последней трети XX в., но и позволяет выявить новые грани смысла классического текста.

Список литературы

1. Гарднер Дж. Избранное. - М.: Прогресс, 1979. – 504 с.

2. Дейк Ч.Р. Странное открытие / Пер. М. Куренной // По Э. , Верн Ж., Дейк Ч.Р., Лавкрафт Г.Ф., Стросс Ч. Загадка Артура Гордона Пима. - СПб.: Азбука-классика, 2006. - С. 533-716.
3. Киреева Н.В. Поэтика романов Роберта Стоуна. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. – 192 с.
4. Маттисен О. Ф. Ответственность критики. – М.: Прогресс, 1972. – 374 с.
5. Стоун Р. Перейти грань. – М.: Новости, 1995. – 430 с.
6. Уракова А. Поэтика тела в рассказах Эдгара По. - М.: ИМЛИ РАН, 2009. - 252 с.
7. Шогенцукова Н.А. Опыт онтологической поэтики. Э. По, Г. Мелвилл, Дж. Гарднер. – М.: Наследие, 1995. – 232 с.
8. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / Пер. А. Глебовской. - СПб: Симпозиум, 2002. - 288 с.
9. Kennedy Y. G. The Narrative of Arthur Gordon Pym: And the Abyss of Interpretation. – N.Y. : Twain, 1995. - 107 p.

Рецензенты:

Урманов А.В., д.фил.н., профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Благовещенский государственный педагогический университет, г.Благовещенск;

Быкова Г.В., д.фил.н., профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Благовещенский государственный педагогический университет, г.Благовещенск.